

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 332.14:338.242

doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60

Системные трансформации в регионах и институциональные риски

Олег Маркович Рензин

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

renzin@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7023-7279>

Аннотация. Изучение трансформационных процессов в национальной и мировой экономике, научное прогнозирование используемых методов организации новой хозяйственной системы составляют значительную часть современной исследовательской практики. Особым её сегментом является формирование обоснованных представлений о формах, методах и механизмах взаимодействия между агентами экономической системы, передачи в ней как шоковых, так и позитивных импульсов, влияющих на изменение характеристик деятельности. Одним из сложных объектов для такого исследования системных изменений и конструирования их прогнозных треков являются процессы, не имеющие очевидного причинно-следственного характера. В частности, это осуществление институционального перехода от макроэкономического целеполагания к формам его пространственной реализации. При этом возникает необходимость учета большого числа отраслевых, финансовых, инфраструктурных и технологических рисков, создающих ограничения в трансформационном развитии. Это приводит к необходимости формирования соответствующей интегральному риск-профилю институциональной архитектуры. В работе рассматривается гипотеза о существовании особого типа институциональных структур, осуществляющих согласование риск-профилей, характерных для реально действующих и для формируемых на перспективу экономических структур.

Ключевые слова: экономические трансформации, институциональные преобразования, пространственные реформы, формирование институциональных рисков, управление институциональными рисками

Для цитирования: Рензин О. М. Системные трансформации в регионах и институциональные риски // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 51–60. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60>

Original article

Systematic Transformations in Regions and Institutional Risks

Oleg M. Renzin

The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia

renzin@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7023-7279>

Abstract. The study of transformation processes in the national and global economy and the scientific forecasting of the methods used to organize a new economic system constitutes a significant part of modern research practice. Its special segment is the formation of substantiated ideas about the forms, methods and mechanisms of interaction between agents of the economic system, the transmission of shock and positive impulses

in it that affect the change in the characteristics of activity. One of the complex objects for the study of systematic transformations and creating forecast tracks are processes that do not have an obvious cause-and-effect nature. In particular, this is the implementation of the institutional transition from macroeconomic goal-setting to the forms of its spatial implementation. At the same time, there is a need to take into account a large number of sector-specific, financial, infrastructural and technological risks that create restrictions in the transformational development. This leads to the need to form an institutional architecture corresponding to the integral risk profile. The paper examines the hypothesis of the existence of a special type of institutional structures that coordinate risk profiles characteristic of real economic structures and those being formed for the future.

Keywords: economic transformations, institutional transformations, spatial reforms, formation of institutional risks, institutional risk management

For citation: Renzin O. M. (2024) Systematic Transformations in Regions and Institutional Risks *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 51–60. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60>

Введение

Проблема трансформационных преобразований в экономике стала одной из наиболее обсуждаемых в науке как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Расшатывание методологических концепций, тесно связанное с видоизменениями в системной организации национальных, межнациональных и глобальных форм экономической деятельности, вынуждает периодически возвращаться к принципам, методам и алгоритмам превращения действующей конструкции экономического процесса в иные формы, потенциально более совершенные и эффективные. Большой опыт мировое экспертное сообщество в этом исследовательском сегменте приобрело в периоды кризисного постсоциалистического слома планово-ориентированной модели экономических взаимодействий, ковидного коллапса и посткризисных фаз развития. Именно в эти периоды в достаточно прозрачном виде было показано, что импульсы и алгоритмы происходящих в общественной организации изменений не в полной мере получают адекватное теоретическое объяснение. Для национального уровня эту проблематику с большой детализацией сформулировал Я. Корнай: «В центре внимания оказались проблемы, типичные для системной парадигмы. С какой скоростью должны проходить трансформации? Следует ли реализовать сразу комплексный пакет реформ или лучше проводить реформы в несколько этапов? В каком

порядке надо принимать новые законы? Что нужно делать вначале, а что потом?... Ответы могут быть разными, но вопросы – одни и те же».[Корнай, 2002. С. 13]

На субнациональном уровне важным участком для поиска ответов на аналогичные списки вопросов стал естественный переход от макроэкономического осмысления проблемы к проблематике пространственной организации хозяйственного механизма. Для России – самой большой по территориальным характеристикам страны мира – оказалось не менее сложным, чем для общенациональной конструкции, сформировать адекватный теоретический и прикладной инструментарий для решения внутриэкономических пространственных задач. Для каких-то отдельных территорий в рамках существующих административных схем было возможным применение традиционных алгоритмов, технически восходящих к идеологии территориального планирования (как отечественной, так и зарубежной). Примерами этого служат разработки стратегий развития отдельных субъектов РФ или их агрегированных структур. Однако для выстраивания полноценной государственной методики оптимизации пространственной экономики потребовался многоэтапный и многоэлементный процесс консолидации научного сообщества, властных органов всех уровней, корпоративных структур.

Системные трансформации в управлении региональным развитием

Длительное время общей стратегиче-

ской концепции территориальных преобразований в России не было. Для отдельных исследовательских задач эта проблематика была активирована в виде разработок, осуществленных в коллективах географических и экономических научных школ. Это осуществляли как столичные, так и региональные институты (сибирской, дальневосточной, уральской принадлежности). В них был частично использован опыт, накопленный советской практикой. Привлекались также и зарубежные методики, которые, впрочем, ни по масштабам, ни по глубине задач не были адекватны российским форматам. Это было связано и с целеполаганием, и с комплексом действующих факторов, и с направленностью и динамикой пространственных преобразований. Они могли служить, скорее, некоторым информационным материалом к подготовке полноценной стратегии региональных преобразований. Их превращение в действующие стратегические программы имело скорее демонстративный, чем оперативный характер. Хотя следует признать, что стремление к отчетливому представлению о направлениях, формах и механизмах государственной пространственной политики отчетливо просматривалось. Это было зафиксировано рядом профильных нормативно-правовых решений, принятых на основе аккумуляции предложений, сформулированных как в федеральной регуляторной системе, так и региональными органами власти.¹

Осуществленные институциональные разработки были агрегированы в сводный документ, который вышел в феврале 2019 г. в виде Стратегии пространственного развития России до 2025 года [Стратегия пространственного развития..., 2019]. Это была правительственная правовая конструкция, претендующая на формирование концептуальных решений в территориальной регуляторике. В ней излагались несколько генерализованных идей, имевших организационно-нормативный формат. Совокупность предлагаемых новаций должна была

способствовать достижению главных целей Стратегии; «сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечение национальной безопасности». [Стратегия пространственного развития..., 2019. С. 8].

Прежде всего, предполагалось введение в качестве объектов пространственного регулирования не используемых ранее структур, формально не совпадавших по границам в традиционной административной сетке как официальной модели территориального устройства. Теперь в пространственную систему были включены в качестве базовых видоизмененные конструкции, названные «агломерации» и «макрорегионы». Фактически ни первая из предложенных позиций, ни вторая не заменяли в территориальной системе сложившуюся градацию субъектов РФ и объединяющие их федеральные округа, но в какой-то мере реструктуризировали управленческие задачи.

Отметим, что такая не очень строго обоснованная системная рефрагментированность экономики не только не облегчила управленческие процессы, а, напротив, стала существенным препятствием для их осуществления. Каждую из выделенных позиций характеризовали большие информационные массивы, которые формировались исключительно за счет пересчета данных, поступавших от реально действующих экономических структур.

Однако частичным изменением пространственной модели дело не ограничилось. Одновременно предлагались новации также и в рамках традиционной сетки республик, краев и областей. Документом для них была определена детализированная схема перспективных специализаций, расписанная для каждого из субъектов РФ. За каждым из регионов России были закреплены десятки позиций, перечень которых занял более 60% нормативного текста (см. Приложение №1 к Стратегии «Перечень перспективных экономических специализаций субъектов

¹ См. Основные положения региональной политики в Российской Федерации. Указ Президента РФ // Собрание законодательства РФ 1996 №23; Концепция совершенствования региональной политики Российской Федерации. Минрегионразвития. 2008; Доктрина регионального развития Российской Федерации. М.: Научный эксперт. 2009. 256 с.; Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. №13

Российской Федерации», с. 35–102). Возможно, что такой императивной росписью перспективных отраслей экономической специализации для каждого из субъектов РФ достигалась не очень хорошо понятная цель закрепления места каждого из них в национальном разделении труда. Хотя это было сложно, поскольку составленный список представлял некую смесь из фактических показателей, прогнозных проектов и возможных долгосрочных потенциалов.

Стратегия пространственного развития как один из регуляторных императивов должна была и содержательно, и нормативно быть включенной в комплекс национальных стратегических проектов, Стратегию национальной безопасности, Стратегию научно-технологического развития. Содержащаяся в ней мозаика идей стала одним из сложных препятствий для включения в национальные планы пространственного экономического развития.

Это, безусловно, определяло необходимость создания действующих трансмиссионных каналов, объединяющих её и национальные проекты (социально-экономические, технологические, отраслевые). Трансмиссионный механизм является наиболее динамичной частью общественного экономического устройства, который должен соответствовать, во-первых, системной организации экономики (включая как макроэкономическую, так и региональную составляющую), и, во-вторых, быть чувствительным к изменению конъюнктурной ситуации. Такое коммуникационное образование является одним из важнейших элементов в рассмотрении системной трансформации. Как сформулировал эту проблему Д. Стиглиц, надо знать «каков механизм передачи шоков от одной фирмы к другой, от одного сектора к другому, механизм их незатухания».[Стиглиц, 1997] Институциональные структуры составляют цепочку взаимодействующих регуляторов, передающих по различным каналам информацию об условиях деятельности на территории. При этом в качестве используемых каналов могут быть денежные, налоговые, таможенные, жестко при-

вязанные к территориальной структуре. Схематично они составляют трансмиссионный механизм для реализации решений об осуществлении (или, напротив, об отказе от осуществления) экономической деятельности. Именно позитивный отбор среди альтернативных вариантов становится фактором инициирования той или иной динамики развития.

Однако, этот конструктивный блок для решения управленческих задач остался в документе 2019 г. недостаточно точно смоделированным. В лучших традициях бюрократического подхода к решению проблемы в тексте было записано делегирование полномочий: «основным механизмом реализации Стратегии является план ее реализации, который утверждается Правительством Российской Федерации» [Стратегия пространственного развития..., 2019. С. 29]. Можно предположить, что именно этот регуляторный аспект стал одним из влиятельных мотивов для организации переработки Стратегии и выпуска её новой редакции, в которой произошли существенные содержательные изменения, а также осуществлено расширение периода действия до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.

В новом документе, проект которого в настоящее время активно обсуждается в профессиональном сообществе, был сделан очевидный акцент на формирование пространственно ориентированной структуры управления региональным развитием с использованием более точных и дифференцированных способов целевого воздействия на территориальные процессы [Стратегия пространственного развития..., 2024]. Это продемонстрировало стремление к более строгому и более эффективному осуществлению политики пространственного развития.

В варианте Стратегии, финальная версия которой запланирована к принятию в декабре 2024 г., была использована значительно более точная формулировка круга управленческих задач и определение способов их решения, включая используемый трансмиссионный механизм. Эти позиции были сформулированы в выступлении Председателя Правительства РФ М. В. Мишустина на Стратегической

сессии по пространственному развитию РФ 8 октября 2024 г. Им было показано, что круг решаемых в Стратегии проблем более сложен, чем формулируемый ранее. Соответственно этому, для реализации поставленных задач был описан необходимый трансмиссионный механизм, включающий перечень каналов, по которым возможна трансакция параметров, сформулированных в Стратегии, на реальные пространственные структуры.

С одной стороны, это широкий набор имеющихся инструментов, более рациональное использование которого обеспечивает достижение стратегических целей. Он включает, прежде всего, используемые механизмы стратегического планирования странового или регионального масштаба, национальные проекты, отраслевые стратегические разработки. Другой инструментальный набор составляют проекты, связанные с реализацией специальных государственных программ для геостратегических территорий, в т. ч. для Арктики, Дальнего Востока, новых российских регионов. Кроме того, в активном режиме могут применяться индивидуальные программы, разрабатываемые для проблемных субъектов; мастер-планы для развития городов, а также другие уже освоенные методы государственного воздействия на территориальные структуры. Фактически речь идет об эффективной адаптации процессов государственного размещения базовых ресурсов: производственных, инфраструктурных, человеческого капитала к национальной пространственной структуре. При этом важным является их внутренняя согласованность – от стратегических разработок к программным, регламентированная статистическая однородность и др.

С другой стороны, было отчетливо показано, что наряду с использованием традиционного инструментария существует необходимость существенной модернизации территориальной регуляторики, в т. ч. за счет создания цифровой платформы управления комплексным

социально-экономическим и пространственным развитием, дифференциации принимаемых решений, расширения горизонта планирования и т. д. То есть пространственное стратегирование должно создаваться в более сложном аналитическом и прогнозном контексте. Это определяет круг дополнительных совершенствований, которые включают как новые технологические механизмы работы с информационными потоками, так и содержательную задачу – расширение институционального круга рассматриваемых проблем.

Как определил М. В. Мишустин, «здесь очень важен системный подход, с обязательным учетом специфики и прогнозных потребностей территории».² Для этого необходимо использование специального инструментария, предполагающего формирование более тонкого набора институционально сбалансированных вариантов пространственного развития. В применении к экономическим проблемам институциональная концепция явилась одним из важных типов альтернативных конструктивных воздействий на системные процессы. В частности, большое место в трансформационный период после 1990-х гг. заняли институциональные конструкции. Ученые, работающие в этом направлении, получали заказы на конструирование и расчет моделей нового развития, экспертные площадки для «полевых» опытов на национальных экономиках, заслуженные ими высокие теоретические поощрения (включая Нобелевские премии). В применении к экономическому управлению институциональную повестку довольно точно сформулировал Д. Ходжсон: «Институты суть системы социальных правил. Термин «правило» здесь трактуется в широком смысле, как предписание или установка в ситуации X делать Y» [Ходжсон, 2003]. Содержательно, в наиболее общем виде, речь идет о моделировании правил экономической игры (формализованных в виде императивных норм или в виде неписаных социальных догово-

² М. Мишустин провел стратегическую сессию по пространственному развитию РФ // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. 8 октября 2024 – <http://government.ru/news/52929>

ренностей) и используемых механизмов их реализации, которые потенциально могут ограничивать (или стимулировать) эффективность использования доступных обществу ресурсов.

Для региональной науки институциональные конструкты стали важным элементом управления пространственными процессами. В традиционной интерпретации ведущей формой изменений в организации пространственных процессов было фактическое наличие или создание реального экономического (в т. ч. ресурсного) потенциала. Институциональная парадигма существенно дополнила эту логику. Она теоретически и практически показывала, какие формы и типы взаимодействия, во-первых, были бы значимы для обеспечения прогнозируемого развития и, во-вторых, конструктивно продуктивны для конкретного территориального образования.

В российских региональных исследованиях особое внимание на институциональную составляющую было обращено в ряду работ, связанных с территориальной трансформацией, организационными и регулятивными задачами её сопровождающими. В частности, на такую двойственность происходящих региональных процессов указывал академик П. А. Минакир, который предписывал осуществление пространственных изменений через «формирование новой институциональной и макроэкономической ситуации» [Минакир, 2006]. Согласно его исследованиям, если макроэкономический процесс создает на различных уровнях организации экономики (микро-, мезо-, макро-) предпосылки для ее реформирования, то – институциональный придает согласованность происходящим изменениям, т. е. является реальным системообразующим элементом, реализация которого может служить активатором успешности осуществляемых преобразований. Соответственно, на каждом из этапов пространственной модернизации институциональная система участвовала в решении регуляторных задач. Сначала это были теоретические и методологические, затем связанные с конструированием и оптимизацией экономических процессов, и, наконец, генерированные практикой алгоритмы применения осуществленных разработок в хозяйствен-

ном обороте.

На наш взгляд, эту инструментальную идеологию в настоящее время возможно значительно шире использовать при территориальном регулировании, поскольку она функционально совпадает с установками, формируемыми Стратегией пространственного развития.

Во-первых, она позволяет в значительной степени реализовать методические позиции, связанные с концептуализацией положения о том, что трансформационный процесс сегментирован в регионах. При осуществлении управления в пространственном разрезе это становится реальной основой для учета и реализации специфических территориальных ресурсов, потребностей и интересов.

Во-вторых, регулируемые территориальные процессы неразрывно связаны с реальной институциональной средой – как локальной, так и транграничной (в т. ч. зарубежной). Для управления такими контактами возникает необходимость параллельного использования различных структурных механизмов, среди которых именно институционально-ориентированный подход позволяет наиболее полно использовать особые характеристики региона.

В-третьих, известно, что территориальное развитие характеризуется наличием большого числа неконтролируемых внешних факторов и условий, т. е. среда фактически генерирует риски. Динамика развития пространственных структур связана с непрерывными и зачастую с непрогнозируемыми изменениями в организации экономической системы, иницирующими активные процессы разрушения одних структур и возникновения других. Поскольку с учетом этих позиций пространственное развитие не линейно, оно требует действующих механизмов для определения и минимизации потенциальных неопределенностей. То есть наряду с формированием комплексов по разработке, оценке и реализации территориальных проектов, возникает необходимость создания региональных служб, ориентированных на работу с генерируемыми рисками.

Таким образом, в современной ситуации проблема организации стратегических взаимосвязей экономического

развития и пространственной системы должна приобретать институциональный характер. Фактически возникла новая ситуация в формировании сбалансированных процессов долгосрочных и краткосрочных изменений, управляющих импульсов в сфере получения традиционных макроэкономических результатов и оперативной реакцией на внешние и внутренние институциональные изменения. В результате рассогласования институциональных процессов могут возникать неблагоприятные реакции, включая взаимную нестабильность и неустойчивость структур, нарушение формально закрепленных правил и норм, и другие факты разбалансировки. В реальной управленческой технологии это влечет потенциальное расхождение в институциональном обеспечении многоуровневых решений – в макроэкономике и локальных структурах (региональных и отраслевых), снижение чувствительности экономики к принимаемым регуляторным решениям. В итоге (как следствие нестабильности институциональных взаимодействий) появляется суммарная неэффективность механизмов развития, отклонения от региональных целей развития.

Эти дисбалансы определяют комплекс задач по осуществлению целенаправленных воздействий на региональную экономику, с использованием сформированного стратегического и институционального потенциала и его составных элементов. С позиций формирования эффективной регуляторики базовую функцию может исполнять макроэкономическая конструкция, получающая подкрепление через стратегические каналы (в т. ч. бюджетную и денежно-кредитную политику), поскольку она является более устойчивой и инерционной. Одновременно, исходя из способности институциональных структур, которые являются более динамичными и мобильными (в регуляторном понимании), и, соответственно, к большей или меньшей чувствительности к неопределенностям, возможно с их помощью осуществление более активного влияния на позитивные сдвиги в региональных процессах

Инвестиционные риски в региональном развитии

В качестве предметной базы для та-

ких интегральных объектов воздействия на регулируемые структуры в литературе рассматривается выделение специфических факторов, агрегирующих потенциальные вероятности возникновения неблагоприятных траекторий развития. Они получили обобщенное наименование «институциональные риски».

В региональном развитии инициируется большое количество институциональных рисков. Это определено, с одной стороны, инвестиционными, технологическими и финансовыми сложностями в решении плановых задач текущего и перспективного развития. Уровень институционального риска определяется множеством факторов, природа которых разнообразна. Среди них можно выделить группы факторов, роль которых в формировании институционального риска региона представляется наиболее существенной. Это, в частности, факторы экономического и социального характера, связанные с несовершенством функционирования соответствующих институтов. При этом, поскольку не существует универсальных институциональных моделей пространственного развития, то каждый регион фактически формирует свою специфическую модель развития, включающую характеристики производственной системы, трудового и человеческого потенциала, инфраструктуры и т. д. Соответственно, следует признать, что для каждого экономического агента в регионе будет формироваться своя «индивидуальная платформа», агрегирующая некоторую совокупность институциональных рисков. Каждая из них будет отличаться не только наблюдаемыми формальными составляющими, но и фактически накопленными на территории институциональными характеристиками. Соответственно, они формируют персонифицированный риск-профиль.

Отметим, что в современной постановке проблем пространственного регулирования в проекте Стратегии 2024 отдельные проблемы формирования специфического риск-профиля уже включаются. В частности, в разделе о моногородах специально рассматриваются проблемы возникновения, учета и минимизации рисков, включая ухудшение социально-экономического положения, увеличение

уровня безработицы, закрытие или ликвидацию основных предприятий, снижение спроса на продукцию основных предприятий и т. п. [Стратегия пространственного развития..., 2024. С. 61–63]

В этих условиях осуществление мониторинга происходящих изменений, их адекватная интерпретация и проведение корректирующих воздействий, обеспечивающих согласование складывающихся тенденций развития экономики с целями реформирования, превращаются в сложнейшие проблемы. Их разрешение возможно только при создании специфической для этого этапа развития системы управления, т. е. комплекса методов, механизмов и организационных структур, позволяющих реализовать адекватное регулирование хозяйственных процессов.

Тенденции включения управления рисками в организацию пространственного регулирования показывают, что концептуальная структура функционального развития должна включать системы для их специального мониторинга и целевого минимизирования. При этом проблема минимизации институциональных рисков тесно связана с территориальными особенностями рисков специфических, характерных для данной территории, или отдельных структур, в нее входящих. То есть речь идет о комплексе демпферных механизмов, ориентированных на специфический (индивидуальный) набор решений. Они могут реализоваться в виде нескольких вариантов.

Возможно создание в системах, сопровождающих социально-экономическое развитие территорий, особого управляющего блока, ориентированного на проблематику институциональных рисков. Такая структура может осуществлять текущий мониторинг параметров институциональной среды и при необходимости согласовывать необходимые решения регионального масштаба. Как позитивный аспект использования такой структуры оценивается постепенность перехода, отсутствие конфликтных границ между «новым» институтом и «прежней» нормой. «В этом варианте институциональные исключения накапливаются «малыми шагами», каждый из которых является слишком незначительным, чтобы его можно

было легко заметить, приводит к появлению институциональных исключений, которые становятся поведенческой основой новых рынков» [Барбашин, 2016].

Другой подход основан на формировании специфицированных самостоятельных региональных структур, хеджирующих реализацию потенциала институциональных рисков. В этом случае эволюция институциональной структуры не сможет носить равновесный и устойчивый характер согласования с макроэкономическими решениями. Однако одновременно возникают дополнительные регулятивные эффекты. В условиях неопределенности сложно прогнозировать, какой из институциональных инструментов понадобится в перспективе, а от каких стандартов придется отказаться, т. е. затруднительно сконструировать институт, который в любых условиях остается эффективным. В таких условиях целевое хеджирование позволяет региону минимизировать конкретные риски, создавая и сохраняя для этого необходимый инструментарий. Возникает ситуация формирования набора специфических институциональных рисков, местом локализации которых являются звенья системы экономического регулирования. По мнению сторонников такой стратегии, «возможность субъектов федерации осуществлять институциональные изменения лишь части территории страны, во-первых, дает возможность практической проверки многих вариантов решений социально-экономических проблем, а во-вторых, существенно ограничивает масштабы потенциальных негативных последствий неудачных решений» [Институциональные изменения..., 2017. С. 9–10].

Третий подход является синтезом первых двух, одновременно формируя институциональную среду и дополняя её специфицированными структурами. Если принимать в качестве исходной позиции такой вариант институционального риск-менеджмента, то это дает возможность осуществлять операции с разными территориальными и функциональными границами для системы институционального регулирования.

Формирования таких структур в пилотном варианте возможно при реализации новой версии Стратегии простран-

ственного развития России до 2030 года. Включение в процесс территориального управления проблематики, отражающей наряду с традиционным управлением проектами вероятностных характеристик развития, связанных с формированием и реализацией институциональных рисков является важным дополнением к стандартной схеме осуществления регионального прогнозирования.

Другим важным содержательным элементом реализации новой концепции является идеология формирования комплекса трансмиссионных инструментов для реализации региональной политики. Опыт исследования и практического внедрения трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики показывает, что это сложный институциональный процесс, который наряду с организаци-

онными характеристиками имеет количественные параметры, определяющие эффективность осуществляемых действий и результативность регуляторного процесса [Барбашин, 2016].

Заключение

Современные позиции, которые реализуются в Стратегии пространственного развития до 2030 года, можно рассматривать как новый исследовательский проект для развития региональной науки и практики. Включение в нее новых сегментов перспективных исследований позволяет значительно усилить требования к дифференциации региональных решений, более полному отражению условий территориального развития, формированию стратегической конструкции, адекватной происходящим сдвигам в экономическом и социальном процессах.

Список источников:

1. Барбашин, М. Ю. Теория институционального распада: концептуальный потенциал и методологические рамки // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8. №1. С. 48. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.1.036-053 EDN: VUQUQV
2. Доктрина регионального развития Российской Федерации. М.: Научный эксперт. 2009. 256 с.
3. Дробышевский, С. М., Трунин, П. В., Каменских, М. В. Анализ трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики в российской экономике. М.: ИЭПП, 2008. 87 с. ISBN: 978-5-93255-254-4 EDN: PSYRTB
4. Институциональные изменения в экономике российских регионов. М.: Проспект, 2017. С. 240.
5. Корнай, Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 13.
6. Концепция совершенствования региональной политики Российской Федерации. Минрегионразвития. 2008.
7. Минакир, П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006, С. 848. ISBN: 5-282-02549-3 EDN: RWHZNP
8. Стиглиц, Д. Альтернативные подходы к макроэкономике: методологические проблемы и неокейнсианство // Мировая экономика и международные отношения. 1997 №7 с. 52–61.
9. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. 116 с.
10. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (проект) // Материалы парламентских слушаний «Об основных положениях проектируемой стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года». М: Совет Федерации РФ. 2024.
11. Ходжсон Д. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003. 464 с. ISBN: 5-7749-0307-9 EDN: QQBPCT

References:

1. Barbashin, M. Yu. (2016) Theory of institutional decay: conceptual potential and methodological framework *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of institu-

tional studies], vol. 8, no. 1, p. 48. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.1.036-053 EDN: VUQUQV (in Russ.).

2. Doctrine of regional development of the Russian Federation. Moscow: Scientific expert. 2009. 256 p. (in Russ.).

3. Drobyshevsky, S. M., Trunin, P. V., Kamenskikh, M. V. (2008) Analysis of transmission mechanisms of monetary policy in the Russian economy. Moscow: IET, 87 p. ISBN: 978-5-93255-254-4 EDN: PSYRTB (in Russ.).

4. Institutional changes in the economy of Russian regions. M.: Prospect, 2017. p. 240 (in Russ.).

5. Kornai, J. The system paradigm *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2002, no. 4, p. 13 (in Russ.).

6. The concept of improving the regional policy of the Russian Federation. Ministry of Regional Development. 2008 (in Russ.).

7. Minakir, P. A. Economy of regions. Far East. M.: Ekonomika, 2006, p. 848. ISBN: 5-282-02549-3 EDN: RWHZNP (in Russ.).

8. Stiglitz, D. Alternative approaches to macroeconomics: methodological problems and neo-Keynesianism *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 1997, no. 7, pp. 52–61 (in Russ.).

9. The strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025. Approved by the order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No. 207-r. 116 p. (in Russ.).

10. Strategy for spatial development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036 (draft). Materials of the parliamentary hearings “On the main provisions of the projected strategy for spatial development of the Russian Federation for the period up to 2030”. Moscow: Federation Council of the Russian Federation. 2024 (in Russ.).

11. Hodgson D. Economic theory and institutions. Moscow: Delo, 2003. 464 p. ISBN: 5-7749-0307-9 EDN: QQBPCT (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 03.12.2024.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 03.12.2024.

Информация об авторе

О. М. Рензин – кандидат экономических наук, советник директора, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economics, the Economic Research Institute FEB RAS.